

Ткачёва А.А.

Женщина и джайнизм

«Жена – дверь к миру страдания,
сыновья – враги тебе».

О джайнизме люди, интересующиеся религиями Востока, знают меньше, чем о любой другой религии Индии. Отчасти это объясняется тем, что в отличие от индусов и буддистов, джайны до последнего времени не делали попыток распространить свое учение на Западе. Не связаны с джайнизмом и трагические санкции вроде убийства Индиры Ганди, из-за которого многие люди впервые узнали, кто такие сикхи. Более того, ахимсу Махатмы Ганди, джайнскую по своему происхождению, часто приписывают индуизму, в котором она никогда особой роли не играла.

Внешне джайнизм и индуизм могут показаться похожими: храмы, учителя-аскеты, пищевые запреты, учение о карме и мокше. Но и карма не та, и мокша не та, и причины пищевых запретов тоже совершенно иные. В джайнских храмах, в отличие от индуских, царит благоговейная тишина, а вместо многоруких божеств, олицетворяющих силы космоса и одетых в роскошные наряды, на прихожан бесстрастно взирают нагие или почти нагие аскеты – тиртханкары, нашедшие переправу из мира материального в мир чистого духа.

Из всех живых религий джайнизм – самая аскетичная, и аскеза его бескомпромиссна. За два с половиной тысячелетия существования джайнизма каноны его не изменились, он, по крайней мере догматически, не шел на уступки «миру». Разумеется, океан индуизма, в котором сохранился остров «Джайнизм», не мог не выбросить на берега последнего кое-что из своих сюжетов и обрядов. Но джайнизм упрямо отталкивал все, что так или иначе связано с Камой – ценностью чувственного наслаждения.

Чем выше ставит радости плоти та или иная религия, чем одобрительнее относится к инстинкту «плодиться и размножаться», тем более жалким, как правило, оказывается в ней положение женщины. И наоборот, чем сильнее выражен аскетический идеал, тем больше шансов у слабого пола на религиозное признание. Индуизм и джайнизм – яркая тому иллюстрация. Идеал индуской женщины – это жена, т.е. персонаж, если можно так выразиться, прилагательный. Идеал женщины в джайнизме, точнее, в его численно преобладающем направлении – джайнизме шветамбаров – это монахиня, причем монахиня ученая, побеждающая в диспутах красноречивых противников и способная обратить в свою веру огромное число последователей. И идеал этот естественно вытекает из отношения джайнизма к супружеской жизни вообще.

Джайнизм в принципе рассматривает как зло не только внебрачные связи, но и собственно брак, поскольку состоящий в браке не может достичь мокши. Добродетельно жизнью, восхождением по лестнице совершенствования (гунастхана) он может до определенной степени очистить свою душу, но только до шестой ступени, всего же их четырнадцать. Дальше путь открыт только монахам. И монахиням у шветамбаров.

В одном из главных канонических джайнских текстов – «Сутракританге» — детальным образом описывается мрачная картина бессмысленной, унижительной суеты, ожидающей вступившего в брак человека, и завершается эта картина словами: «Так происходит со многими, кто ради наслаждений готов низко опуститься; они становятся равными рабам, жи-

вотным, слугам, они превращаются в ничто». В полном контрасте с индуизмом, где у каждого из богов есть жена, а то и не одна, ибо «без Шакти Шива – шава (труп)», где рождение сыновей – едва ли не главная цель жизни мирянина, джайнский наставник ачарья Гунабхадра в популярном и рекомендованном для изучения мирянами трактате «Атманушасана» утверждает: «Жена, к которой ты давно привязан, — дверь к миру страданий. Знай, что сыновья твои – враги тебе. Отринь все это, если ты стремишься к счастью». Примечательно, что уже на четвертой ступени гунастханы, еще до того, как человек принял соответствующие религиозные обеты, от него требуется осознание того, что ни жена, ни дети не принадлежат ему (нирведа). Нирведа становится наравне с таким требованием этой ступени, как обретение полной веры в спасительность джайнских догм.

В отличие от индуистской мифологии, в мифологии джайнов нет ни намека на роль женской созидательной энергии, в нем вообще нет эротической или брачной символики, такой, как, например, в христианстве или суфизме при описании взаимоотношений души с Богом. Собственно, ее и не может быть, ибо нет Бога, с которым можно соединиться, есть только мириады потенциально божественных индивидуальных душ – джив. По достижении освобождения эти души не связывают с миром никакие чувства. Он существует сам по себе, они – сами по себе.

Главная ценность в женщине – не способность быть к матери или источником наслаждений, а живая душа, джива. Впрочем, как и в мужчине, как и в моските, как и в искре костра, потому что в любой субстанции, по представлениям джайнизма, есть жаждущая освобождения джива, и все они равны в своем праве на жизнь и свободу. Принуждение кого-либо к чему-либо есть химса, насилие, тяжелейший грех, глубоко запутывающий человека в тенетах кармы – особого рода тончайшей материи.

Скандалы и столкновения в больших джайнских семьях происходят куда реже, чем в индуистских. Мир и спокойствие в доме ценится необычайно высоко. Поэтому два основных нарушающих его греха – сварливость (клеша) и приверженность к клевете (абхьякхьяна) квалифицируются джайнами как настолько тяжелые, что могут погубить не только семьи, но и целые города. Считается, что и тому и другому в наибольшей степени подвержены свекрови. Имеется даже джайнская пословица, утверждающая, что свекровь бранит невестку за скверную стряпню не потому, что та и впрямь плоха, а потому, что вкус ее портит клеша самой свекрови.

Иллюстрацией того, что сама природа готова вступить за оклеветанную невестку, является история из классического джайнского сочинения «Жизнь шестнадцати праведных женщин». Некая свекровь обвинила невестку в нарушении супружеской верности. Бедная девушка клялась в своей невиновности, но ничего не могла доказать. Вдруг ворота города, где они жили, захлопнулись, и никакой силой их нельзя было отворить. Призванный на помощь астролог объявил, что ворота покорятся только женщине настолько целомудренной, что сможет донести воду из колодца в сите и опрыскать ею упрямые ворота. Естественно, невестка тут же воспользовалась возможностью доказать свою честность. Клеветница же, оказавшаяся источником беды, была с позором изгнана из города.

Ударивший или оскорбивший жену джайн навлекает на себя подобным поступком куда большие неприятности в этой, и в особенности в последующей жизни, чем если терпеливо сносит ее самые дерзкие выходки. В «Сутракританге» описывается поистине хамское отно-

шение жены к мужу, который выглядит при этом покорнейшим их подкаблучников, но не останавливает зарвавшуюся супругу сколько-нибудь решительным образом.

Разумеется, не все джайнские мужья и свекрови оказываются достаточно благочестивыми, чтобы вести себя в соответствии с подобной установкой. Издевательства над тем, кто слабее, слишком соблазнительны, но у джайнских женщин, в отличие от индусок, против своих супругов все-таки было оружие. Каноническая литература джайнов разрешает разводы и повторный брак в случае неверности, импотенции или пренебрежения обязанностями перед семьей, причем, в отличие от индусов, у джайнов брак заключается на контрактной основе и предусматривает за женой право собственности, в частности полностью – на свое приданное. Голодная смерть, таким образом, джайнке не грозила. Однако под влиянием индуизма разводы в джайнских семьях сзади все же весьма редки. Отчаявшиеся женщины предпочитали принятие аскезы и уход в монахи. В таком случае, расторжение брака следовало автоматически. Препятствовать стремлению дживы к освобождению – величайший грех, который джайнская община допустить не могла.

«Сами по себе женщины ни плохи, ни хороши, — утверждает авторитетный джайнский ачарья Сомадева. – Они становятся подобно своим мужьям, как реки принимают форму океана, в который впадают». При известном желании в этих словах можно увидеть отрицание индивидуальности женщины, все ту же ее «прилагательность». Однако из нее вытекает и одобрительно-понимающее отношение к женщинам, которые, принимая аскезу, уходили от порочных и неблагочестивых супругов, дабы не стать им подобными. Очень немногие религиозные учения предоставляют женщинам такое право.

Количество джайнских монахинь всегда превышало и продолжает превышать количество монахов. Они называются садхви, аджи или арьяка, а руководительницы орденов – ганти или канти. Согласно джайнским источникам, в ответ на проповедь Джини Махавиры (598-526 гг. до н.э.), считающегося фактическим основателем этой религии, аскезу приняли 14 тысяч мужчин и 36 тысяч женщин. Во главе последних встала Чандана, кузина или, по другим версиям, тетка Махавиры, дочь царя Вайшади Четаки. Ее история, изложенная в легенде, была, вероятно, весьма типична для многих юных красавиц, принимающих монашеский обет в те времена постоянных междоусобиц между царьками – и несчастную женщину не пришлось слишком долго убеждать, что жизнь в миру несет одни страдания, причем куда более мучительные, чем тяготы аскезы.

По-своему типична и история Рагимати, одной из любимых героинь джайнской литературы, жены двадцать второго тиртханкара. Неминатхи, который, по джайнским представлениям, приходился кузенком Кришне и Баладеве. Рагимати поначалу тяжело переживала уход принявшего аскезу мужа (плач Рагимати – главная тема одного из ярких произведений джайнской светской поэзии – поэмы Викрамы «Немидутакавья»). Однако затем она осознает правильность поступка Неминатха, она становится монахиней и побуждает многих последовать своему примеру.

Методы убеждения в тщете земных радостей, к которым прибегала Рагинати, поразительно напоминают сюжеты буддийских историй о монахинях. Она была женщиной ослепительной красоты, и брат мужа, Ратханеми, был влюблен в невестку задолго до принятия ею аскезы. Однажды уже ставшая монахиней Рагимати попала под сильный дождь, от которого она укрылась в пещере, где сняла свою мокрую белую одежду (в отличие от индусок джайнские вдовы носят черное, белое же – цвет монашеского одеяния). Там ее и обнаружил деверь,

немедленно приступивший к обольщению, восхваляя красоту Рагимати и живописуя свои пылкие чувства. Тогда красавица, вызвав у себя рвоту, наполнила соответствующей массой чашу для подаяний и протянула ухажеру с предложением выпить. Когда Ратханеми в ужасе отшатнулся, она пояснила, что муж выbleвал из себя ее красоту как отраву, а он, Ратханеми, прельстился ею: «Позор тебе, о знаменитый рыцарь, что пожелал выпить блевотину, принимая ее за нектар; уж лучше бы ты умер. Влюбленный в женщину, ты подобен растению без корней, носимому ветром». После подобного вразумления Ратханеми немедленно осознал все убожество и губительность плотских утех и, получив от Рагимати необходимые наставления, принял обет отречения.

Впрочем, гораздо чаще джайнские монахини, получающие в орденах приличное религиозное образование (единственное его отличие от образования монахов в том, что женщинам запрещается изучение соблазнительных магических текстов типа «Джвалини-кальпа» или «Падмавати-Бхайрава», прибегали к вполне традиционным методам убеждения с помощью слов. Так, именно монахиней по имени Якани был обращен один из выдающихся джайнских философов и наставников Харибхадра Сури. Самый, пожалуй, знаменитый в этом плане образ – героиня поэмы «Нилакеша», к которой впоследствии были написаны многочисленные религиозно-философские комментарии. Красавица, предпринявшая попытку соблазнить аскета Муничандру, потрясена его стойкостью к соблазнам и сама становится монахиней. Ситуация, как мы видим, для джайнской литературы типичная, однако это только зачин повествования, основной корпус которого составляет рассказ о том, как героиня последовательно побеждает в споре представителей ведического ритуализма, буддизма (описывается встреча с самим Буддой), санкхьяиков, вайшешиков и сторонников материалистического учения Бхутавады. Ею также аргументировано отрицается религиозное значение варн.

Шветамбары считают, что женщине достичь полного освобождения гораздо сложнее, чем мужчине: согласно преданию, состояния сиддхи, абсолютного избавления от действия кармы, достигли сто восемь мужчин и лишь двадцать женщин, первой из которых была мать первого тиртханкара текущей эпохи – Ришабхадевы. Объясняется это, однако, не ущербностью ее души, а слабостью тела. Женщинам труднее выносить все тяготы аскезы. Из двадцати четырех тиртханкаров, которых джайны чтут как наставников и основателей общин, лишь одна женщина – девятнадцатая в исторической последовательности – Малинатха, дочь царя Митхилы Кумберы. В историческом будущем в качестве тиртханкаров должны явиться такие известные в индийской традиции дамы, как мать Кришны – Деваки, мать Баладевы – Рохини и идеальная мирянка Ревати.

Монахини пользуются у джайнов огромным почетом, и жизнь их практически не отличается от жизни монахов, в том числе и по части суровой аскетической практики: при принятии обета они так же должны вырывать на голове волосы, так же просить подаяние и есть только один раз в день, так же спать всего несколько часов, посвящая большую часть времени медитации и аскетическим упражнениям. Похороны джайнской монахини выливаются в весьма торжественное и значительное событие для всей общины. По близлежащим городам рассылаются траурные телеграммы, джайнские семьи посещает плакальщик, призывающий их соблюдать амару – особую разновидность поста, при которой, в частности, запрещено молоть зерно или совершать какие-либо другие действия, влекущие уничтожение жизни. Закрываются джайнские учебные заведения, а благочестивые миряне обязаны че-

тыре раза в день читать восхваления двадцати четверем тиртханкарам у себя дома или в особых домах для молитвенных собраний. Нести паланкин с телом монахини к месту кремации – величайшая честь, которой удостоиваются наиболее влиятельные члены общины, обретающие благодаря участию в церемонии большую религиозную заслугу.

Впрочем, судя по эпитафике VIII в. (период расцвета джайнизма в Южной Индии), в Шравана-Белгола, одном из главных центров джайнизма, ачарьи были отчасти правы, говоря о слабости женщин в аскезе. Невзирая на большее количество монахинь, чем монахов, лишь десять женщин (и сорок четыре аскета-мужчины) отважились на высший для этой религии подвиг, наиболее радикально у джайнизма в Индии является гораздо более тесная, чем, например, в буддизме, связь между монахами и мирянами. При том, что монахини вполне могут иметь и учеников-мужчин, их особой обязанностью является наблюдение за духовным ростом женщин. Далеко не каждая индуса имеет духовного руководителя-гуру, тогда как у джайнок – это правило с весьма редким исключением. Обычно монахиня-наставница хорошо знакома со всеми проблемами и деталями жизни своей подопечной и выполняет по отношению к ней ту же роль, которую в благочестивых индусских семьях играет семейный гуру. Более того, джайнские монахини, по-видимому, могут пользоваться известным влиянием и на индусок, пример чему – мать М.К. Ганди, привечавшая их и принимавшая, несомненно под влиянием джайнизма, суровые обеты.

Вообще, почитание и служение монахам – главная добродетель и джайна-мирянин, и джайнки-мирянки. Последние именуется шравика – «служащая». Согласно преданию, на проповедь Махавиры откликнулось триста пятьдесят восемь тысяч женщин (мужчин – сто пятьдесят девять тысяч), которые в силу семейных обязанностей не могли стать монахинями, но тем не менее способствовали утверждению учения. Вставшие во главе общины джайнок-мирянок Ревати и Суласа считаются идеалом шравики. Имя первой стало в джайнизме синонимом гостеприимства и готовности отдать все лучшее монахам. Трогательно-наивные легенды повествуют о том, как приготовленные ею великолепные сладости, которыми Ревати радостно угощала монахов, исцеляли их, в том числе и самого Махавиру, от болезней.

Что касается Суласы, то гуджаратские джайнки ежедневно читают следующее восхваление в ее честь:

«Суласа была женой, воистину полно веры, ни слова лжи не произнесшей.

Ей безразличны были все мирские наслаждения.

Если бы мы видели ее лицо, грехи наши бы исчезли.

Когда мы произносим ее имя, сердца наши наполняет радость».

Идеальные шравики, как мы видим, восхваляются не за собственно женские (верная жена, самоотверженная мать и пр.), а за «общечеловеческие» добродетели – аскетичность, правдивость, особые заслуги перед монахами.

Действительно, даже когда джайнские авторы брались излагать индусские сюжеты о замужних женщинах, они превращали их в полумонахинь. Так, Сита в джайнской версии «Рамаяны» приносит обет полного целомудрия – брахмачарья пратима, а Рама его с восторгом поддерживает, из чего можно заключить, что данная супружеская пара находилась на третьей подступени (шраманопака) пятой ступени гунастханы – наивысшей точки духовного развития, доступной мирянину. Брахмачарья пратима требует также, чтобы муж и жена

полностью отказались от всяческих украшений, благовонных умщений и пр., дабы не вызвать взаимной похоти.

Полное половое воздержание, разумеется, брали в качестве обета весьма немногие джайны, готовившиеся к уходу в монахи. Нормой же были пять ануврата – «малых обетов», четвертый из которых, майтхуна вирамана врата, дает представление о половой морали обычных благочестивых мирян и мирянок. Он включал: 1) требование абсолютной верности супругу или супруге; 2) недопущение никаких похотливых мыслей, связанных с богинями; 3) невступление в брачные отношения с малолетними; 4) невступление в добрачные половые связи; 5) неучастие ни в сводничестве, ни в сватовстве; 6) ограничение себя в половой жизни в браке; 7) недопущение фривольных разговоров и ругательств.

Некоторые требования этого кодекса вполне понятны и присутствуют также в других религиозных системах, другие же требуют комментария. Так, если сводничество считается грехом практически повсеместно, то недопустимость участия благочестивого джайна в «устраивании жизни» ближнего – уже своеобразная черта этой религии, в особенности, если учесть, что требование распространяется и на собственных детей. Джайнские ачарьи объясняют его тем, что участие в сватовстве неминуемо будит в человеке фривольные мысли, с чем, пожалуй, трудно не согласиться. Разумеется, это означает, что молодые джайны сами выбирали себе спутника или спутницу жизни. Просто родителям приходилось откладывать принятие обетов до той поры, пока они не просватают всех своих детей (которых, кстати, в джайнских семьях в два раза меньше, чем в индусских). Просватывание детей в раннем возрасте не противоречит третьему пункту, ибо в нем речь идет не о факте сговора, а о супружеских отношениях как таковых. Ранние браки в джайнских семьях, по-видимому под влиянием индуизма, все же существовали и вызывали суровую критику джайнских ачарий. Особого разъяснения требует второй пункт – недопущение связанных с богинями похотливых мыслей. Дело в том, что по мере распространения джайнизма на юге, в особенности в средние века, в него начинают активно проникать магические практики тантры и связанные с ними культы женских божеств. Если более древние рукописи осуждали подобные новации самым решительным образом, то затем ачарьи, по-видимому, смирились и сосредоточили свои усилия уже не на борьбе с магизмом как таковым, а со свойственной тантризму эротикой. Южные богини-матери превращались в защитниц тиртханкаров, отгоняющих от них и благочестивых монахов злых духов. Самые популярные среди них – Джваламалини, Амбика и Падмавати.

Жизнь джайнки-мирянки была одновременно и похожа, и непохожа на жизнь индуски.

Непохожесть заключается прежде всего в том, что джайнки пользовались гораздо большими социально-экономическими правами, чем индуски. Об одном из них выше уже упоминалось: за ними сохранялось право на долю в имуществе. Южноиндийская эпиграфика содержит многочисленные записи о дарениях, которые джайнские дамы – как аристократки, так и купчихи – совершали в отсутствие совершеннолетних детей – ситуация, находящаяся в разительном контрасте с индусскими установлениями на этот счет. Разумеется, ничего похожего на сати в джайнизме не существовало. Овдовевшая женщина носила траур, была более сурова в своих обетах, юные же вдовы освобождались и от такой необходимости. В их случае дело ограничивалось запретом на ношение драгоценностей.

Более того, имущество могло быть передано женщине мужем и при жизни последнего, если у него возникало желание уйти в монахи или просто удалиться от дел, посвятив себя ис-

ключительно духовной жизни. Таким образом, сыновья в джайнизме оказывались в немалой зависимости от матерей. В.А. Сэнгэйв даже связывает с этим обстоятельством чрезвычайно низкую преступность среди несовершеннолетних джайнов по сравнению с индусами, хотя, на наш взгляд, значительно большую роль здесь все же играет культивируемая с самого раннего детства приверженность ахимсе и иным ценностям джайнизма.

У джайнов незамужние дочери, как и сыновья, получают определенное пособие из семейного бюджета. Хотя образование джайнок значительно отстает от мужского, процент грамотных среди них в несколько раз выше, чем среди индусок, что, вполне очевидно, объясняется разницей в социально-экономическом положении: джайнки нередко помогают мужьям в делах, ведут конторские книги и т.п. (основной род занятий джайнов на протяжении веков – торговля и ростовщичество). Кроме того, наставники джайнизма настоятельно рекомендуют благочестивым мирянам вне зависимости от их пола чтение религиозной литературы, вменяя это в религиозный долг. Равным образом важной религиозной заслугой является и предоставление возможности получить образование (шастра-дана). Так что те джайнские семьи, которые имеют такую возможность, предпочитают давать хотя бы некоторое образование и дочерям. Во всяком случае, по сведениям, полученным автором в специализированной джайнской библиотеке в Калькутте (грантха-бхандара), женщины составляют около трети ее читателей. Некоторые ученые связывают более высокий социально-экономический статус женщины в джайнизме по сравнению с индуизмом со значительно более прочно сохранившимися традициями матриархата. Действительно, некоторые обстоятельства не только экономической, но и религиозно-обрядовой жизни свидетельствуют в пользу этого утверждения: в частности, важная роль, которую играют в джайнских ритуалах, связана с рождением и браком, тетка по отцовской линии или, при отсутствии таковой, девственница из числа ближайших родственников. По сравнению с индусками джайнки вообще гораздо заметней во всех обрядах жизненного цикла. Вместе с тем вряд ли стоит все объяснять лишь одними пережитками матриархата: религия, провозгласившая равное право на жизнь и освобождение для человека и москита и попытавшаяся воплотить подобную установку в практике своих последователей, не могла третировать женщину так, как религии, вынесшие принципы господства и подчинения на уровень догмы.

Неверно, однако, было бы утверждать, что положение джайнки в реальной семейной и общественной жизни было равно положению мужчины. Дискриминация присутствовала и в этой религии, пусть и в сравнительно меньшей по сравнению со многими другими степени, и начиналась она с самого рождения. В ознаменование появления на свет мальчика, в особенности если это был первый ребенок в семье, счастливый отец бил в медный поднос, а друзьям и родственникам посылались сладости и фрукты. В случае рождения девочки подобные мероприятия не были предусмотрены. Замужняя женщина должна была выказывать мужу во многом те же знаки внимания, что и индуска. Они, наряду с другими правилами поведения, перечислялись в особом разделе джайнской литературы (кальпа-виная). Вставая утром, джайнка простиралась у ног мужа, выражая ему почтение. Она могла приступать к еде только тогда, когда он насытился. Вечером, как и индуска, она должна была массировать ноги усталого супруга.

Хотя женщины-джайнки участвуют во многих обрядах наравне с мужчинами и в храмы для поклонения принято ходить парами, пять высших форм поклонения тиртханкарам в джайнских храмах (джала-пуджа, ангапунчака-пуджа, чанджана-пуджа, анга-пуджа и

пушпа-пуджа) разрешено выполнять только мужчинам. На вопрос о том, почему этого нельзя женщинам, автор получила весьма пикантное объяснение. Все перечисленные пуджи в той или иной степени предполагают прикосновение к идолу-аскету, и совершенно недопустимо, чтобы давшего строгий обет целомудрия тиртханкара касалась женщина. Вопрос, как в таком случае быть с Малинатхой, вызвал у респондента явное смущение.

В качестве «компенсации» за некоторое ущемление в сфере храмовой обрядности в джайнском годовом обрядовом цикле существует специальный однодневный женский пост оли, или амбела (за восемь дней до апрельско-майского полнолуния чайтри пурнима). Воздержание от какой-либо вкусно приготовленной пищи в этот день должно гарантировать здоровье и долголетие мужу. По легенде, некая царевна смогла, соблюдая в этот день строгий пост, добиться исцеления своего больного проказой мужа.

В целом джайнки гораздо более суеверны, чем из мужья. По мнению М. Синклер-Стивенсон, именно через них шло в первую очередь проникновение в джайнизм индульской обрядности, праздников и поклонения индульским божествам, вызвавшее недовольство ачарий, которые определяют подобное поведение как матхьядаршана салья – «исповедание ложной религии», восемнадцатый большой грех в джайнской классификации грехов. «Женщины, — пишет М. Синклер-Стивенсон о джайнках, — разделяют едва ли не все существующие у индульских суеверия. Создается впечатление, что они словно исповедуют вторую религию, которая состоит в отвращении злых духов и демонов, живя всю жизнь под бременем страха перед ними».

Женщине-джайнке запрещено молиться джайнским святым или богам о рождении или выздоровлении ребенка. Подобная «корыстная» мотивация превращает в грех даже такие сами по себе в высшей степени похвальные и приносящие религиозные заслуги поступки, как милостыня монахам, подарки храму или угощение для нуждающихся. Единственное, ради чего они должны совершаться, — это продвижение на пути к мокше, освобождению. Душа женщины, не отрешившейся от мира, не может смириться с этими запретами, и поэтому, невзирая на «греховность» подобного деяния, в дни эпидемий джайнки вместе с индульскими идут в храм богини оспы Шиталы и обещают ей щедрые дары, если с их детьми ничего не случится. Она, как и индульские, обращаются к брахманам, садху, приносят различные обеты, в том числе и ухода в монахини, что напрочь снимает всю ценность отречения. Множество элементов домашней обрядности, совершенно чуждой по духу джайнизму и сходной или идентичной с индульской, связано с отвращением от детей злых духов, болезней, дурного глаза или с семейными отношениями (например, усвоенные джайнизмом индульские праздники бхаибиджа, когда сестры приглашают братьев к себе в гости, или вирапашали, когда братья дарят сестрам подарки, а те дают им свое благословение). Воистину, «сыновья твои – враги тебе», ведь ради них совершаются грехи, из-за которых можно оказаться в следующем рождении неспособной к восприятию истин джайнизма и еще дальше отодвинуться от мокши.

Джайнизм готов признать женщину равной мужчине, но при условии полного отречения ею от своей женской сущности, и уже поэтому тезис о его «материальном наследии» по крайней мере не стоит абсолютизировать. Впрочем, не стоит абсолютизировать и степень готовности рядовых джайнов и джайнок следовать всем строгим предписаниям религии и подавлять любые чувства: не случайно джайны считают, что за несколько тысячелетий лишь 128 душ достигли полного освобождения. Подавляющее большинство мирян, в осо-

бенности не достигшие преклонного возраста, пребывают в положении шравака – «слушающих», «свидетельствующих», а не шрамано-пасака – «принесших обеты». И, однако, по наблюдениям автора, женщин в числе последних, опять же оказывается больше, и следуют они принятым обетам гораздо строже, чем мужчины.

В заключение хотелось бы высказать одно предположение, сколько бы неожиданным оно ни могло показаться: среди ряда других факторов джайнизм выжил и сохранился в Индии и благодаря тому, какое место он отводил женщине. Да, они привносили в него элементы индуизма, но, во-первых, до определенного предела, ибо в любом случае постоянно контролировались монахинями и ачарьями. Во-вторых, эти отдельные элементы семейно-бытовой обрядности были попросту необходимы для того, чтобы аскетическая религия стала относительно массовой. И для нее самой, для сохранения ею своей сущности было даже лучше, что эти элементы были чуждыми и воспринимались в качестве таковых хотя бы на уровне духовной элиты. В противном случае джайнизм начал бы разрушаться изнутри. Однако, именно женщины, которым джайнизм предоставил достаточно высокий статус и которые по натуре более религиозны, чем мужчины, охотно становились многочисленными шрамано-пасака или садхви – своего рода религиозным средним классом, который, как и многочисленный средний слой в обществе, обеспечивает стабильность и устойчивость системы.

Источник: Индийская жена: исследования, эссе. — М., «Восточная литература», 1996. С. 89-99 (приведенный фрагмент — с. 94-99).